

УДК 882.09(043.3)+929Солженицын
ББК 83.3 (2 Рос+Рус) 6-923

Г.М. Алтынбаева

**НРАВСТВЕННЫЙ МИР
ЯПОНИИ
В КОНТЕКСТЕ
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА**

Проанализирован образ Японии, который сложился у А.И. Солженицына после поездки в эту страну в 1982 году, доказано, что взгляд писателя-путешественника на японскую картину мира складывался исходя из его этических и эстетических принципов. Представляя японский мир, Солженицын открывает перед читателем и собственное мировоззрение. Статья является частью работы, посвященной мировоззренческой географии А.И. Солженицына.

Ключевые слова: *А.И. Солженицын, «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», мировоззренческая география писателя, Япония.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-36-45

Алтынбаева Гульнара Монеровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
Тел.: 8-927-227-69-46
E-mail: gulnarama@gmail.com

© Алтынбаева Г.М., 2018.

Творческие принципы А.И. Солженицына определили его географические предпочтения. Писатель в первые годы изгнания посетил целый ряд стран Европы и Азии, выбор которых продиктован желанием, с одной стороны, «поэстранствовать», побыть «частным путешественником для удовольствия», удовлетворить «вечный русский интерес к странам дальней Азии», с другой стороны, лично увидеть страны и города, воплощающие для него этические и эстетические идеалы.

Так, в конце 1974 – начале 1975 г. Солженицын впервые посетил Париж и Францию, о чем давно мечтал, потому что Франция для Солженицына прежде всего символизирует свободу. В «очерках изгнания» неоднократно встречаем записи писателя о Франции, французах, французских СМИ, французской истории [Алтынбаева, 2018, с. 205 – 209].

Осенью 1982 г. Александр Исаевич Солженицын в течение двенадцати дней находился в Японии. Это была его первая поездка в страну. Выбор места был неслучаен. «Раскладываю: не пора ли в азиатское путешествие? Это путешествие задумано мною уже года два – как ожидаемый перерыв между Узлами» [Солженицын, 2000а, с. 180]. Собирался Солженицын побывать в Японии, Корее и Тайване, а удалось – в Японии и Тайване.

По изначальному представлению писателя, Япония – пример лаконичности («Я ехал в страну с надеждой, что мне будет внят японский характер: его самоограничение, трудолюбие, способность

глубокой разработки в малом объёме» [Солженицын, 2000б, с. 106]), ведь лаконичность, сжатость – важнейшие стилевые принципы Солженицына, которые сложились самими условиями его жизни («Я большую часть своей жизни провёл в закрытых помещениях. А это уплотнение, нет, оно не случайно» [Солженицын, 2001, с. 203]); Тайвань – «это будут впечатления чисто китайские, как побывать бы в самом Китае, а уж добавить наслой коммунизма – это мне легко умозрительно. Тайвань – это опорная точка моей страсти, это наш несостоявшийся врангелевский Крым» [Солженицын, 2000а, с. 180].

В данной работе внимание сосредоточено на японской поездке.

За почти двухнедельное путешествие удалось Александру Исаевичу Солженицыну увидеть, рассмотреть и описать остров Хонсю, города Токио, Иса, Камакур, Киото, Курашики, Нар, Тоба, Фукушима, Хаконе, Хиросима, Цувано, Ямагучи, водопад Кегон, озеро Чзудзидзи и многое другое. Заметки эти могут составить интереснейший путеводитель по Японии.

Писатель признавался, что готовился основательно: перечитал Гончарова и Пильняка [Солженицын, 2000б, с. 98], работы по истории Японии. Мечта была одна: «Но более всего для меня было важно – попутешествовать по Японии вполне частно, чтоб не было шумихи, чтоб не обступали корреспонденты» [Солженицын, 2000б, с. 98].

Важное для искусства платоновское триединство Истина – Добро – Красота, на котором Солженицын настаивает в «Нобелевской лекции», фокусирует взгляд писателя и на себе, и на окружающем мире.

Движение к Истине у А.И. Солженицына выражается в постоянном изучении прошлого России, стремлении писателя «восстановить историю в её полноте, в её многогранности» [Солженицын, 2001, с. 178]. Он признавался, что рано понял, что станет писателем. В интервью Н.А. Струве он сказал: «Да, я действительно непонятным образом с восьми-, девятилетнего возраста почему-то думал, что я должен быть писателем, когда ещё понятия не имел, во что это может вылиться» [Там же, с. 199], но точнее свою склонность к письму он выразил в беседе с Бернаром Пиво: «Первый толчок к тому; чтобы написать крупное произведение, я получил десяти лет от роду: я прочёл «Войну и мир» Толстого и сразу почувствовал какое-то особое тяготение к большому охвату...» [Там же, с. 349].

Исследовательский склад мышления проявился уже в разговоре о знакомстве с Японией. В «Зёрнышке» Солженицын пишет: «Даже скромное изучение Японии, в которое я погрузился, выявляло мне три узловых точки их новой истории: начало эпохи Мэйдзи – крушение 1945 года – и то, что случится или не случится с ними в ближайшие годы, а назрело» [Солженицын, 2000б, с. 98]. Одна из задач поездки сформулирована так: «Хорошо бы даже попытаться содействовать атмосфере русско-японской дружбы, сколь это доступно моим силам» [Солженицын, 2000а, с. 180]. Спустя время, Солженицын настолько углубится в историю русско-японских отношений, что будет ждать от японских журналистов вопросов о Курилах («Долго обдумывал: а четыре Курильских острова?

Промолчать, наверно, не придётся» [Там же]), и будет разочарован, когда об этом его не спросят («Прошли все интервью, и никто не задал мне самого ожидаемого вопроса – о Курильских островах. Такова ли японская тактичность? или профессорская высота?» [Солженицын, 2000б, с. 112]), потому что у него готов был совет: «Японии вооружиться сильнее для защиты самой себя и окружающего морского пространства» [Там же]. Позже он с сожалением скажет о новшествах в трактовке истории Второй мировой войны: «Тут ещё обострилось у корейцев из-за недавнего исправления в Японии учебников по истории: не стали признавать японской вины во Второй Мировой» [Там же, с. 114], «Я только удивляюсь, что после таких невиданно кардинальных решений в вашей же стране сегодня проявляется попытка уклониться от ответственности за своё недавнее прошлое и приукрасить его для молодых поколений. Я уверен, что никакой моральный рост и путь будущего самоограничения невозможны без признания и раскаяния в своих прежних грехах и ошибках. <...>...ради собственной чистоты – говорить правду об истории жестоко необходимо» [Солженицын, 1997, с. 63]. Аналитическое мышление Солженицына взывает к этическим понятиям, он стремится ответить на вопрос о месте Японии в истории Второй мировой: «Коль скоро у Японии есть силы, а перед Восточной Азией она так виновата – то и должна приложить свои силы в искупление вины? А – нет: видно, в международных отношениях вина не проходит так просто, декларацией об искуплении? – теперь Японии никто не будет верить и все пути закрыты? И тогда: этические советы в современной политике – вообще не реальны?» [Солженицын, 2000б, с. 113]. Здесь проявляется неоднозначность точки зрения Солженицына: и его стремление защитить слабых («беззащитность Японии»), и его отстаивание идеи «раскаяния и самоограничения как категорий национальной жизни» [Солженицын, 2004, с. 58 – 93] («Самоограничение я считаю высшим принципом каждого человека и каждой нации» [Солженицын, 1997, с. 62]; «Я думаю, что выдающиеся экономические успехи Японии произошли во многом и от того, что спорящие производственные стороны чаще проявляли самоограничение и взаимопонимание» [Там же, с. 63]; «Я всегда представлял и теперь вижу, что способность самоограничения является коренным, глубоким свойством японского характера, оно проявлено много раз в вашей истории – и можно только поздравить вас с этим и учиться у вас» [Там же, с. 64]).

В полной мере сильные размышления об истории и современности Японии Солженицын высказал 9 октября 1982 г. в речи в Токио «Три узловые точки японской новой истории»: «Всё важное и главное, что я хотел и мог сказать в Японии, было в этой моей речи (“к руководящим кругам”), приготовленной ещё в Штатах» [Солженицын, 2000б, с. 112].

Во взгляде на Японию отразилось солженицынское стремление к «сбережению народа», сохранению национального, родного. В первых, Солженицын наблюдает, как и чем живут простые люди. Близки писателю и следование ими традиции, и сохранение ее. «Наиболее симпатичны, как и во всех народах, крестьяне. Их мало сохранилось, больше

старики, а молодые работают в городах, и на клочки рисовых участков если приезжают помочь, то в воскресенье» [Солженицын, 2000б, с. 106].

Во-вторых, Солженицын специально отмечает всё исключительно японское, отличное не только от русского, но и от остального мира. «Искусство малых садов – особое японское искусство – и крохотные водопады, и карликовые деревья, и мохотравные садики, и просто “каменные сады”: <...> Такие каменные садики, даже два метра на два, устраивают и в городах при доме, где нет участка, земля дорога – и всё же место для отдыха души» [Там же, с. 101 – 102]; «В японских городах не удушены велосипедисты, но разрешено им ездить даже по узким тротуарам – и нисколько же это не мешает пешеходам. У магазинов велосипеды стоят многими десятками, все с приделанными корзиночками, никому не мешают» [Там же, с. 100]. «Многовековая неколебимая обрядность», вся японская жизнь и японская картина мира противопоставлены динамичной жизни европейцев, замечено даже, что «американский ужас» (про музыку) противопоставлен тихой японской музыке [Там же, с. 101], «магазины, как всюду и в западном мире, переполнены и множеством необходимых, и множеством лишних вещей» [Там же, с. 100]. Но нередко свое и чужое мирно сосуществуют в японской повседневности: «в деревнях на севере острова ещё встречаются старые соломенные крыши (но с телевизионными антеннами), а чаще железные. В самые глухие деревни – асфальтные подъезды. В деревенских домах – довольно сарайно, и, как у нас, хранится всякая устаревшая утварь, которую хозяевам жалко выбросить. А рядом с новым телевизором – изящная старина: лакированные шкатулки, статуэтки» [Там же, с. 106].

На каждом шагу сталкивался Солженицын с японским гостеприимством, включающим целый ряд обязательных ритуалов: «В гостиницах японских – многому поразишься, как они сохраняют своё исконное. Уже перед дверью низко кланяются мужчина или двое. А за дверью на возвышенном, через порожек, полу – уже трое, пятеро, а то и семеро женщин <...> в будничных кимоно в ожидании нас уже стоят на коленях, и едва мы у порога – кладут ладони на ковёр и молча кланяются нам земно: в благодарность, что мы снизошли остановиться в их гостинице? (Так же и при провожании из гостиницы каждого постояльца – выстраивается для поклонов вся прислуга.)», «уж о сквозной, сквозной чистоте – и поминать даже не надо» [Там же, с. 100]. Незабываемо описание чайной церемонии, торжественного обеда, ужина у гейш. Порой чувствуешь, что утомляется Александр Исаевич от такого избыточного внимания к гостю и от продолжительности этих ритуальных действий («немедленная процедура для гостей»). А не избежать... Странна Солженицыну, долгий срок проведенному в ГУЛаге и жившему в советской системе, естественная нескрываемость, прозрачность японского мира: «из-за бумажных стен гостиница прослушивается, как и всякий японский жилой дом, – вечером долго слышны разговоры, ходьба» [Там же, с. 101].

Замечаешь и то, как проявляется мужское начало в солженицынских описаниях. Подчеркивается, что место женщины в японском обще-

стве традиционно ниже мужского, это непривычно для европейца («изобилие женской челяди в гостиницах, нельзя представить, как оно окупается» [Там же]). Забавными представляются страницы, когда Солженицын пытается понять эту иерархию: «Все вещи, какие несут постояльцы, хоть и мужчины, и самое тяжёлое, – перенимают служащие женщины и несут. (Я всё отбивался, не давал.)» [Там же, с. 100]. Порой иронично, порой восхищенно даны портреты японок: «две из трёх упущенно стары (под 60?), третья далеко за сорок, и все три собой нехороши», «вплыла в комнату молодая *ма йко* – как ожившая фигурка из японской живописи <...>. Стройна, довольно высока, но кимоно – длинней её фигуры, подворачивается под ноги, майко движется с опаской, в белых носках» [Там же, с. 108], «к тому времени вошла (чуть раньше, и уже посидела у стола) ещё одна страхолюдина, грубое, неженственное лицо» [Там же, с. 109]. Портреты людей дополняются детальной пластикой движений, своеобразием жестов. Запомнились подробности ритуального танца майко, Солженицын объясняет значения движений рук и позы тела, мимики, «важность отдельных застылых положений, знакомых из японской живописи». «Позже, познакомься с театром “Но”, VII века, я увидел, что всё из одного корня» [Там же].

Если обобщить, то среди характерных качеств японцев Солженицын выделяет самоограничение, заботливость, тактичность, семейственность, старомодность, скрупулезное следование правилам и ритуалам: «японскому духу всегда была свойственна оригинальность мироощущения и мироповедения» [Солженицын, 1997, с. 64]. Иногда он замечает в знакомых японцах неяпонскую черту – «открытую русскую сердечность» [Солженицын, 2000б, с. 97].

В то же время Александр Исаевич откровенно признается в странной для себя чужести по отношению к Японии: «я испытал непреодолимую отдалённость. Пойди их пойми. Не растворяешься в теплоте. Не растапливает сердца и преобильная японская вежливость» [Там же, с. 106], «странна и эта речевая манера – много смеяться в неподходящих местах разговора: ждёшь японцев невозмутимо-ровными» [Солженицын, 2000б, с. 106], др. Замечает Солженицын некоторую оксюморонность японской жизни: «И полны жестокости их ежедневные телевизионные фильмы, уж не говорю о военной борьбе. А вот – на улицах никто никого не грабит, и ночью может безопасно идти одинокая женщина» [Там же]. Будучи противником цензуры, в Японии Солженицын по-другому ее оценивает, сводя к нравственно-этическим нормам: «На обложках журналов есть приятные девичьи лица, но нет ни раздетых, ни полуодетых: цензура» [Там же]. И в итоге задается вопросом: «Одна из самых нравственных стран?».

Добро, по Солженицыну, – в нравственности, в духовности, в служении. По сердцу писателю пришлась высокая нравственность японцев, которая начинается с межличностных отношений: «Тут мы касаемся тех особенностей японских отношений, где служебное и как бы родственно-семейное не разделены чётко: нечто семейное есть в попечении главы о своих служащих и в искреннем долге служащих к главе, а значит

и к исполняемому труду» [Солженицын, 2000б, с. 98]. Истоки японской нравственности Солженицын видит в глубине понимания самой жизни: «В этой многовековой неколебимой обрядности, которую не сотряс даже XX век (и Хиросима), – ещё ли бы не загадка! Загадка в ней самой, но ещё более – в японском характере. И не мимолётному путешественнику в те загадки вглядеться» [Солженицын, 2000б, с. 101], «Поражает, насколько японцы не поверхностны, а глубоко смотрят на вещи, доискиваются глубины. (В этой дискуссии касались и загадки, на чём держится нравственность Японии: на чувстве красоты! на чувстве достойного! Вот тебе и “красота спасёт мир”).» Но – для массового ли это читателя?» [Там же, с. 112].

Не мог не обратить своего внимания верующий Солженицын на религиозность Японии. Подробнейшим образом описана архитектура и убранство храмов, порядок служб, которые посетил он. «Осмотр храмов, храмов и храмов, синтоистских и буддистских, как-то невольно составил стержень нашей поездки: это именно те заповедники, где сгущённо отстаивается японская древность, не потревоженная современностью, где Японию не спутаешь с другой страной» [Там же, с. 102]. Запоминается праздничное шествие и богослужение в храме Каомио-джи (Храм ясности света) в Камакуре [Там же, с. 105], наблюдение за которым наводит Солженицына на философские размышления в духе «Крохоток»: «В чём смысл рас? В чём замысел Божий? А жить нам – на одной планете, и надо друг друга понимать. Никогда нам по-настоящему не сойтись – и смеём ли мы претендовать обращать их в свою веру? Я думаю – нет» [Там же].

Открытием стало мирное сосуществование в жизни и сознании японцев двух верований: «Так синтоизм служит японцу для всего радостного. А для всего горестного и для смертного обряда – буддизм. <...> Это поражает: одна и та же нация, одни и те же люди исповедуют в разных случаях жизни две разные религии. Обнадёживающий ли это признак для будущего человечества или признание недостаточности обеих религий?» [Солженицын, 2000б, с. 104]. «Осталось общее впечатление и главное различие: синтоистские храмы – эстетичней, изящней, легче, буддистские – тяжелей и огрублены статуями, хотя и синтоистские не без них: устрашающие оранжевотелые великаны-сторожа у входов. Ни чрезмерная резьба, ни смешение ярких цветов (красного с зелёным, с золотым) как-то не вредят синтоистским храмам, выручает неизменный японский вкус. Но нет единого Бога, ни даже божеств, обожествляются предки и сама природа, души предметов» [Там же, с. 103]; «Очень тут выражено японское сознание всеобщей недолговечности – страны, сотрясаемой землетрясениями, тайфунами и где излюбленная красота цветения вишни облетает в час от внезапной бури» [Там же].

И, ожидаемо, подробно Солженицын пишет о посещении в Токио православных храмов и служб («забирает теплота: не так, как до сих пор повсюду» [Там же, с. 106]).

Единственное, что не смог принять и от недостатка чего страдал все двенадцать дней Александр Исаевич Солженицын, – это еда. Насытив-

шись глазами и душой японской жизнью, он остался практически голодным из-за неприятия вкуса и запаха азиатской пищи. «К чему я за весь японский месяц не мог привыкнуть – это к их еде. Не говоря уже о том, чтобы управляться палочками (обе в одной руке, и, как челюсти крокодила, нижняя не движется, а только верхняя), но к самой еде: ни даже рис (совершенно сухой и безвкусный), ни даже вермишель (оливкового цвета, из гречневой муки), ни один их соус, ни одна подливка, а что уж говорить обо всей морской пище – омарах, креветках, моллюсках, и даже если рыба – то сырая. Конечно, я был несправедлив, наверное, можно было отбирать, но даже куски простой курицы, как-то особенно изжаренной в кипящем жиру, я не мог признать за знакомое. Меня всюду преследовал запах сырой рыбы, где, может, его и не было; когда уже и мясо подавали – так и оно, вроде, пахло рыбой. <...> В Японии я открыл, что нельзя полюбить страну, если ты несродни к её еде» [Там же, с. 102]; «А блюда носят и носят, я в ужасе: когда ж они кончатся? И запах гаже и гаже. Пью саке, а закусить нечем, кой-как палочками донёс до рта два изуродованных кусочка огурца, третий раз – горку подпорченного хрена» [Там же, с. 109].

Одно из самых важных открытий Солженицына в Японии – это другое понимание и восприятие Красоты. Красота в доме, красота в природе, красота в танце. В первую очередь, речь идет об уникальности японской природы, слившейся с городским ландшафтом. «А глазам открывалась страна со многими холмами и горами, ничем особо не выразительными; равнинная жилая площадь не просторна (к югу острова Хонсю пораскидистой), – и всё это застроено современными индустриальными зданиями и посёлками, безо всякого следа гнутых “японских” крыш» [Там же, с. 100]. Природу дополняет климат, который Солженицын открыл для себя вновь: «Обычно в Японии сентябрь погожий, но в нашу поездку почти не было солнечных дней, а всё дымка, смог, тучевое небо и духота. “Необычайной японской сини” (Пильняк), или “такой ясной погоды, какой в России не бывает” (Гончаров) – я не приметил за месяц ни разу» [Там же].

И городскому шуму, и суете всегда противопоставлена естественная природная тишина и покой, которые создаются повсюду умелыми руками. «А то через маленькую калитку неожиданно попадаешь в замкнутый дворик маленького буддистского храма с массою каменных стоячих фонарей (без огней) – и в полном вечернем безлюдьи по склонам горки вверх видишь наросшее множество каменных надмогильников; а по ступенькам горы поднявшись выше пагодки с гнутой крышей – ещё успеваешь увидеть с вершины кладбища тёмно-красное послезакатное небо» [Солженицын, 2000б, с. 107]. Мы вслед на Солженицыным понимаем, что мир вокруг создается японцами под влиянием самой японской философии жизни. «А ещё каждый японский дом старается вечно слышать шум текущей воды – и где нет ручья, там хотя бы сочилась вода из трубы, падая в каменную углубину, – и всё-таки плеск» [Там же, с. 101]; «В комнатах, вестибюлях – много заботливой красоты, раскре-

плённой по мелочам, уже даже избыточной, неоценимой? невозможно всё охватить по нашей динамичной жизни» [Там же]. Солженицын подробно описывает архитектуру и объясняет принципы японской урбанистики. Например, замок Хакуроджо (Белая Цапля) («Среди общей хрупкости японских конструкций – поразишься настоящему замку» [Там же, с. 107]), Золотой павильон в Киото («из красивейших зданий Японии, если не символ её, изумительные пропорции» [Там же]) и др.

Конечно, во время поездки Солженицын удовлетворил свой интерес к системе школьного образования, хотя в самом начале его не хотели пускать в школу, настаивали на посещении высокотехнологичных предприятий. «Из моего посещения провинциальной японской школы я вынес впечатление, что и японским детям не дают терять золотого времени и бездельничать, как в некоторых других странах» [Солженицын, 1997, с. 64]. Конечно, хотелось и удалось побывать на уроках математики и физики: «В Ямагучи мне удалось посетить школу – два урока математики, один физики... <...>. Уроками я остался доволен: при предметной насыщенности, ученики отданы уроку, внимательны. Учат их серьёзно» [Солженицын, 2000б, с. 111].

Солженицын, будучи поборником русского языка, его сбережения, его расширения, внимательно прислушивался к звучанию японской речи, старался понять особенности японского языка. Интересны солженицынские опыты транслитерации слов, определения сути их значений, но и стремление скорректировать топонимы, которые на советских картах совсем по-другому обозначены. Замечает Солженицын, как японцы реагируют на русскую речь, как пока безуспешно стараются переводчики передать и смысл, и интонацию: «Аудитория дружно хлопала в начале и в конце. К сожалению, переводчик мой Нисида читал робко, невыразительно, не принимая текста к сердцу и не стараясь передать чувство. (От нескольких человек я слышал, и писали в газете потом: “оказывается, русский язык – какой свободный, сильный, звучный”. Им по-настоящему и не приходилось слышать русской речи)» [Солженицын, 2000б, с. 112].

В заметках Солженицына можно выделить характерные повторяющиеся оценочные слова и обороты. Так, при описании Японии он употребляет глаголы «восхищает», «поражаешься», наречия «очень», «удивительно». «Восхищает: насколько ещё устойчиво хранится духовный мир Японии от размётного дыхания современности. Но и жалко их в их нынешней незащитности» [Там же, с. 106]. Поражает не поверхностность японцев, «глубоко смотрят на вещи, доискиваются глубины» [Там же, с. 111].

Подводя итог, важно еще добавить, что, читая подробности поездки Солженицына, путешествуя вместе с ним по странам и городам, мы фиксируем, что очень важно, в его записях и собственно эстетические принципы писателя. А это помогает войти в его творческую лабораторию. Так, он вновь говорит: «Пресс-конференцию я вообще не признаю как форму, это не для писателя, не желаю спотыкаться вслед корреспон-

дентам, кто куда меня поведёт. (А ещё же: не хочу растеребить по мелочам, опережая, – тезисы моих уже подготовленных выступлений.)» [Солженицын, 2000б, с. 99]; или «Но всё бы отлично, если б я тут же мог записывать наблюдения в дневник – а неприлично, и новые усилия: запомнить все подробности и их очередь» [Там же, с. 109].

В том, на что Солженицын обращает внимание в Японии, проявляется его собственная этическая и эстетическая мера жизни. Читая «очерки изгнания» «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: в четырёх частях», мы отмечаем, что Солженицын специально говорит об истории русско-японских отношений, пытается понять японский образ жизни, представляет японскую картину мира, рассуждает об отношении японцев к религии, нравственности, пище, пишет о положении мужчины и женщины в японском обществе, о жизни простого человека, о японской системе образования, о японском искусстве и литературе, красочно передает природу и урбанистику Японии, стремится объяснить особенности японского языка. Всё это есть – не случайный набор японских наблюдений Солженицына, а, как мы теперь понимаем, целенаправленное стремление донести до читателя и образ далекой неизвестной Японии, и собственные идеи.

Литература

Алтынбаева Г.М. «...во Франции я чувствовал себя как на второй, совсем неожиданной родине»: К вопросу о мировоззренческой географии А. И. Солженицына // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. № 2.

Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть вторая (1979 – 1982). Глава 8. Ещё заботаньки // Новый мир. 2000. № 9. С. 173 – 183. [Солженицын, 2000а]

Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть третья (1982 – 1987). Глава 9. По трём островам // Новый мир. 2000. № 12. С. 97 – 140. [Солженицын, 2000б]

Солженицын А.И. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения (Кавендиш, 31 октября 1983) // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М.: Терра, 2001. С. 348 – 369.

Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Солженицын А.И. На возврате дыхания. Избранная публицистика. М., 2004. С. 58 – 93.

Солженицын А.И. Телеинтервью компании Би-Би-Си в связи с выходом книги «Ленин в Цюрихе» (Лондон, 25 февраля 1976) // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М.: Терра, 2001. С. 178 – 185.

Солженицын А.И. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве (Париж, март 1976) // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М.: Терра, 2001. С. 199 – 229.

Солженицын А.И. Три узловых точки японской новой истории. Речь в Токио (9 октября 1982) // Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Т. 3: Статьи, письма, интервью, предисловия. Ярославль, 1997. С. 60 – 73.

References

Altynbaeva G.M. «...vo Frantsii ya chuvstvoval sebya kak na vtoroy. sovsem neozhidannoy rodine»: K voprosu o mirovozzrencheskoy geografii A. I. Solzhenitsyna.

Izv. Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika, 2018. т. 18, no. 2, pp. 205-209. (In Russian).

Solzhenitsyn A. Ugodilo zernyshko promezh dvukh zhernovov. Ocherki izgnaniya. Chast' vtoraya (1979-1982). Glava 8. Eshche zabotan'ki. *Novyy mir*, 2000, no. 9, pp. 173-183. (In Russian).

Solzhenitsyn A. Ugodilo zernyshko promezh dvukh zhernovov. Ocherki izgnaniya. Chast' tret'ya (1982-1987). Glava 9. Po trem ostrovam. *Novyy mir*. 2000, no. 12, pp. 97-140. (In Russian).

Solzhenitsyn A.I. Intervyu s Bernarom Pivo dlya frantsuzskogo televideniya (Kavendish. 31 oktyabrya 1983). *Solzhenitsyn A.I. Sobr. soch.: V 9 t. T. 7. M.*, Terra, 2001, pp. 348-369. (In Russian).

Solzhenitsyn A.I. Raskayaniye i samoogranicheniye kak kategorii natsionalnoy zhizni. *Solzhenitsyn A.I. Na vozvrate dykhaniya. Izbrannaya publitsistika*. M., 2004, pp. 58-93. (In Russian).

Solzhenitsyn A.I. Teleintervyu kompanii Bi-Bi-Si v svyazi s vykhodom knigi «Lenin v Tsyurikhe» (London. 25 fevralya 1976). *Solzhenitsyn A.I. Sobr. soch.: V 9 t. T. 7. M.*, Terra, 2001, pp. 178-185.

Solzhenitsyn A.I. Teleintervyu na literaturnye temy s N.A. Struve (Parizh. mart 1976). *Solzhenitsyn A.I. Sobr. soch.: V 9 t. T. 7. M.*, Terra, 2001, pp. 199-229.

Solzhenitsyn A.I. Tri uzlovyie tochki yaponskoy novoy istorii. Rech v Tokio (9 oktyabrya 1982). *Solzhenitsyn A.I. Publitsistika: v 3 t. T. 3: Stat'i. pis'ma. Intero'yu. Predisloviya*. Yaroslavl, 1997, pp. 60-73.

Gulnara M. Altynbaeva (Saratov, Russian Federation)

Japanese Moral World in the Context of A.I. Solzhenitsyn's Worldview Geography

The article analyzes the image of Japan, which was formed by A.I. Solzhenitsyn, after a trip to that country in 1982, it proves that the writer-traveler's view to the Japanese picture of the world was based on his ethical and aesthetic principles. Representing the Japanese world, Solzhenitsyn opens up his own worldview to the reader. The article is a part of the work on the ideological geography of A.I. Solzhenitsyn.

Key words: *A.I. Solzhenitsyn, "Appeared the seed between two millstones", writer's worldview geography, Japan.*

Gulnara M. Altynbaeva – kand. Phil., associate Professor of the Department of Russian and foreign literature Of the Institute of Philology and Journalism of Saratov national research state University named after N. D. Chernyshevsky. Phone: 8-927-227-69-46; e-mail: gulnarama@gmail.com